

Р. А. БУДАГОВ

«СЛОВАРЬ ТРУДНОСТЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

(A. V. Thomas, Dictionnaire des difficultés de la langue française,
Paris, 1956. 435 стр.)

Известно, что словари бывают самые различные. Если даже сначала ограничить задачу обзором одних только филологических лексиконов, то и в этом случае пришлось бы говорить о работах очень разнообразного характера¹. Особым и мало известным является «словарь трудностей» того или иного языка, в частности «Словарь трудностей французского языка», о котором пойдет речь дальше.

Культурой родного языка издавна интересовались во Франции. Еще в XVI в. известный филолог Робер Этьен издал своеобразное руководство «Говорите — не говорите»². В дальнейшем стремление разобраться в практических вопросах «хорошего литературного языка» наблюдается у самых выдающихся писателей. Расин посылает свои пьесы на суд к грамматисту Вожла, Вольтер пишет статьи о литературном языке и помещает их в «Философский словарь» (1764), Гюго и Барбюс, не колеблясь, включают целые главы рассуждений о языке в тексты своих романов «Отверженные» и «Огонь». И не только писатели страстно спорят о судьбах родного языка. К ним присоединяются ученые и политические деятели, учителя и студенты, издатели газет и театральные критики³.

В этом отношении большой интерес представляет рецензируемый словарь, в котором сделана попытка обратить внимание на такие «трудности языка», с которыми повседневно приходится иметь дело самим французам, говорящим на родном языке. И хотя аналогичные попытки делались и раньше⁴, однако по широте анализируемого материала, тонкости наблюдений и — что особенно важно — отличной и точной документации словарь А. Тома может быть выделен особо.

В предисловии (стр. IX)⁵ автор подчеркивает чисто практический характер словаря: обратить внимание на трудности языка и помочь всем, кто хочет просто, ясно и убедительно выражать свои мысли, не допускать ошибок. При этом ошибки понимаются автором не в школьном смысле, а широко. К ошибкам относится все, что мешает простой и вместе с тем изящной манере передавать мысли и чувства на родном языке. Здесь могут быть и смешения значений синонимичных слов, и неточные следования правилам грамматики, и тавтологичные обороты, и искажения ино-

¹ См. Л. В. Щербя, Опыт общей теории лексикографии, «Избр. работы по языкознанию и фонетике», т. I, Л., 1958, стр. 54—91.

² R. Estienne, Dites — ne dites pas, Paris, 1539.

³ В этом легко убедиться, просмотрев, например, разные номера ежемесячного популярного иллюстрированного филологического журнала «Vie et langage» (Paris).

⁴ См., например: J. Laveaux, Dictionnaire raisonné des difficultés grammaticales et littéraires de la langue française, 4-e éd., Paris, 1873; M. Grevisse, Le bon usage, Paris, 1-e éd. — 1946, 6-e éd. — 1955 и др.

⁵ В дальнейшем цифры в скобках указывают страницу словаря.

странных лексем, и различного рода деформации словосочетаний, и ошибки в произношении, орфографии, пунктуации. От малого до большого в языке все важно, все значительно, все должно быть осмыслено.

Нужно отдать должное автору. В целом он отлично справился со своей задачей. Его словарь — результат многолетних наблюдений и раздумий, результат кропотливого изучения самого разнообразного словесного материала — получился очень полезным и поучительным. И мне кажется, что значение подобного словаря далеко переходит те границы чисто практического характера, которые скромно очертил сам автор. Словарь дает интереснейший материал и для постановки целого ряда теоретических вопросов развития современного литературного французского языка в его взаимоотношениях с народной речью и разговорным стилем.

Своим словарем, отлично документированным, А. Тома опровергает очень распространенное мнение, согласно которому ошибки в родном языке совершают будто бы только недоучившиеся люди. Он показывает, что при широком понимании ошибок выясняется, что они встречаются не только у людей, плохо владеющих литературным языком, но и у лиц образованных. И не только у этих последних, но и у писателей, а в отдельных случаях даже у выдающихся художников слова. Во всяком случае интересные примеры, приводимые из Флобера и других первоклассных мастеров языка (стр. 289, 325, 356 и пр.), убеждают читателя в этом. Все это как бы напоминает: родному языку нужно учиться постоянно и нет предела совершенствованию подобных знаний.

Составляя словарь «трудностей» родного языка, сам автор должен занимать правильную позицию. Всем известно, что язык непрерывно изменяется. Поэтому то, что было неправильным сравнительно еще недавно, может оказаться правильным в наше время, как и наоборот: звучащее теперь необычно раньше воспринималось как обычное. А. Тома хорошо понимает все это. В своем словаре он не занимает позиции наивного и нетерпимого догматика. Он считается с развитием языка. Против местоименной формы глагола *s'activer* еще недавно выступали пуристы, но глагол этот прочно вошел в словарный состав языка и, как показывают примеры самого словаря А. Тома, часто употребляется современными писателями (стр. 11). Глагол этот признается вполне литературным и автором «Словаря трудностей».

Каковы же, однако, критерии, которым следует А. Тома для разграничения правильного и неправильного в языке? Что он считает «хорошим» и «плохим»? Вопрос о «трудностях языка» в практическом отношении сводится к тому, как избежать неправильного в языке и как овладеть правильным. Вместе с тем автор стремится объяснить (хотя и не всегда), почему те или иные факты и тенденции языка являются неправильными.

Основное положение, которое защищает А. Тома на протяжении всего своего словаря, может быть сформулировано так: неправильное в языке — это то, что мешает ясности выражения. Соответственно правильное в языке содействует достижению главной цели — ясности выражения. Поясним, что означает этот общий принцип применительно к материалу. Если автор судит, например, о том или ином новом слове, то вопрос о его необходимости решается на основе общего принципа: что передает данное слово, способствует ли оно дифференциации старых понятий или выражает новое понятие? Если новое слово не располагает никакими новыми «выразительными возможностями» и является простым дублетом старого, то оно признается ненужным. Так, появившееся сравнительно недавно существительное *numérotation* объявляется ненужным (*inutile*), так как оно означает совершенно то же, что и более старое *numérotage* «нумерация» (стр. 282). Принцип этот — в целом бесспорный и правильный — истолковы-

вается Тома, однако, слишком прямолинейно. Но отметим сначала то, что хорошо удалось показать автору на основе данного общего принципа. Начнем с простых примеров, а затем перейдем к более сложным.

Синонимы *prolongation* — *prolongement* оба нужны языку, так как первый означает «продление во времени» (*la prolongation d'un congé*), а второй — «продление в пространстве» (*le prolongement d'une rue*). Кроме того, второй синоним применим только к вещам и не относится к людям. Несколько иначе дифференцированы соответствующие глаголы (*prolonger* — *proroger*), из которых первый употребляется во временном и пространственном смыслах (*prolonger une avenue*), а второй — в более специальном (*proroger une séance, proroger une loi*).

Появление нового слова может уточнить семантику старого, рядом с которым оно «становится». Прилагательное *indolent* в недалеком прошлом означало не только «вялый», «апатичный», но и «безболезненный» (в медицинской терминологии). Совсем недавно возникшее *indolore* закрепило в этом последнем смысле, «освободив» тем самым первое прилагательное от одного из его значений. В результате в языке наших дней *indolent* все реже и реже употребляется в смысле «безболезненный». Особое прилагательное (*indolore*) стало передавать это понятие, сделав тем самым *indolent* менее многозначным, более «собранным». Дифференциация значений оправдывает неологизм *indolore*, делает его нужным (стр. 216). «Трудность» языка заключается в том, чтобы правильно понимать происходящий процесс.

Углубляя этот общий принцип смысловой дифференциации в области лексики, А. Тома делает много тонких наблюдений. Существительное *décorum* — это «совокупность правил, которые следует соблюдать в обществе, благопристойность», тогда как *décor* — «нечто показное», «внешнее украшение» (стр. 118). Но существительное *décorum* иногда употребляется в значении *décor* не только в небрежной устной речи, но и у выдающихся писателей, в числе которых оказывается и Бальзак: «Il n'a d'autre décorum à garder que celui dont s'est chargé son tailleur» («Le Cousin Pons»). Следует ряд других подтверждающих отмеченное смешение примеров из произведений писателей. «Трудность» языка заключается в том, чтобы не допускать подобных «сползаний» одного слова в сферу другого.

В ряде случаев соприкосновение слов может иметь и гораздо более далеко идущие последствия. Прилагательное *émérite* еще во второй половине XIX в. академическим лексиконом определялось как «почетный». А. Тома поясняет: «celui qui, ayant exercé un emploi (du lat. *emeritus*...), a pris sa retraite et jouit des honneurs de son titre» (стр. 144). Впоследствии изменение значения (*glissement de sens*) этого прилагательного было обусловлено ошибочной ассоциацией со словом *mérite* «заслуга», «достоинство». В результате *émérite* вошло в синонимический ряд с такими словами, как *méritant*, *remarquable*, и стало означать «выдающийся». Этому изменению значения способствовал и другой фактор: понятие «почетный» могло передаваться совсем другим прилагательным — *honoraire*. В результате в современном языке *émérite* целиком утратило свое этимологическое значение и стало осмысляться как «выдающийся». Семантика «почетный» перешла к прилагательному *honoraire*.

Случай этот оказывается уже гораздо более сложным, чем предшествующие, и, соответственно, комментарий составителя словаря более спорным. Новое значение *émérite* («выдающийся»), по-видимому, действительно возникло первоначально в результате смешения со словами *mérite*, *méritant*. Рассуждая абстрактно, смешение слов должно быть осуждено, тем более, что для понятия «почетный» имеется совсем другое слово — *honoraire*. Практически, однако, трудно бороться с таким значением *émé-*

rite («выдающийся»), которое стало теперь всеобщим. То, что некогда действительно было ошибочным с лингвистической точки зрения, в другую эпоху делается вполне возможным. Новые синхронные языковые связи отодвигают на задний план чисто историческое осмысление слова. Синхрония вносит поправку в диахронию. К тому же, будучи различными словами, *émérite* и *méritant* связаны между собой этимологически. Это облегчает исследователю путь к оправданию подобного сближения. Поэтому вряд ли можно согласиться с Тома, рекомендуя лучше совсем не употреблять прилагательного *émérite*, чем употреблять его «ошибочно», т. е. в значении «выдающийся» (стр. 145).

При решении подобных вопросов составителю «Словаря трудностей» самому приходится преодолевать разнообразные трудности в поисках обоснованных рекомендаций. В тех случаях, когда историческое значение слова еще не совсем забыто, когда его внутренняя форма как бы напоминает об исходном значении, а новое значение вовлекает слово в новые словосочетания, составителю приходится задумываться над рекомендациями.

Когда существительное *ascenseur* приобрело значение «лифт», то его связи с этимологически родственными словами (например, *ascendant*, *ascension*) стали заметно ослабевать, так как на лифте можно не только подниматься, но и спускаться. Поэтому выражение *prendre l'ascenseur pour descendre* «войти в лифт, чтобы спуститься», хотя и «нелогично» (*illogique*), но должно быть признано вполне «нормальным» (стр. 38). Синхрония опять-таки вносит свои поправки в диахронию. Фактические возможности словосочетаний переходят за пределы чисто этимологических границ слова. И исследователь современной речи не может не считаться с этим непреложным фактом развития языка и жизни слова. В большинстве случаев так поступает и А. Тома.

Вернемся, однако, к основной проблеме словаря — к проблеме дифференциации значений и грамматических форм. Бесспорные случаи подобной дифференциации в области лексики, приведенные выше, не исчерпывают все же ни сферы самой лексики, ни, тем более, сферы грамматики, к которой они непосредственно и не относятся. Осложнение обнаруживается уже в том, что в языке нередко существуют две формы, между которыми не удастся провести хоть сколько-нибудь ясную границу.

Префикс *re* чаще всего означает повторяемость действия (*dire — redire*), но глагол *emplir* передает то же значение, что и *remplir* (стр. 380); выражение *à ras de* идентично *au ras de* (стр. 353), существительное *autochtone* — существительному *aborigène* (стр. 45). Таких примеров почти полной тождественности отдельных слов и выражений в языке немало, и они отмечаются также автором словаря. Но здесь возникает важный теоретический вопрос: как в таком случае следует понимать принцип дифференциации слов и грамматических форм, который оказывается в основе словаря? А. Тома, по-видимому, не замечает возникающего противоречия. Между тем оно весьма существенно.

Тенденция к дифференциации слов, фонем, грамматических форм, синтаксических конструкций действительно имеется в любом языке. И это вполне естественно. В своем поступательном историческом развитии язык становится все более совершенным средством выражения мышления, орудием общения. Но тенденцию эту нельзя пошимаť упрощенно как движение прямолинейное. Присмотримся к более сложным явлениям. Начнем с лексики, а затем перейдем к явлениям грамматическим.

Современный язык уже не смешивает такие близкие по форме, но разные по значению глаголы, как *recouvrir* «возвращать утраченное», «овладевать» и *recouvrir* «вновь покрывать». Но еще в XVII в. здесь наблюдалась нечеткость. Даже такой стилист, как Ф. Малерб, мог писать *ils... ont re-*

couvert la santé вместо *ils ont recouvré la santé* (наблюдение Э. Литтре). Близость формальная обуславливала функциональное подобие, хотя семантика восставала против отождествления разных глаголов. Лишь постепенно язык освобождается от данного смешения. Но, разграничив отмеченную пару некогда альтернирующих глаголов, язык сталкивается с новой трудностью, с новой проблемой. Избавившись от одного смешения, язык начинает допускать другое. Теперь глагол *recouvrer* нередко отождествляется с глаголом *retrouver* «вновь находить». Этот последний глагол, как отмечает Тома (стр. 356), часто употребляется там, где по нормам литературного языка следовало бы ожидать *recouvrer*: *ils désirent voir notre pays retrouver la plénitude de ses moyens d'action* (из газет), хотя речь идет о том, что многие «хотят возвратить себе утраченное», а не только «снова найти». Тонкое различие между глаголами *recouvrer* — *retrouver* пропадает в результате их отождествления.

Итак, устранив в процессе своего исторического развития одно смешение (*recouvrer* — *recouvrir*), язык иногда допускает другое (*recouvrer* — *retrouver*). С позиции современного языка первое смешение кажется более грубым, чем второе. В первом случае обнаруживается лишь формальное сходство глаголов при их семантической разнородности, во втором — очевидна не только формальная, но и смысловая близость глаголов. Следовательно, речь идет не только о том, что, справившись с одной проблемой дифференциации, язык оказывается перед лицом другой аналогичной проблемы, но и о том, что вторая проблема сложнее первой. Решив более простое на одном историческом этапе, язык и мышление должны решить более сложное на другом этапе. Поэтому выше и было подчеркнуто, что «стремление к дифференциации» в языке нельзя понимать упрощенно. От разграничения одного типа, через сферу вторичного смешения, язык устремляется к новому разграничению. Количество подобных ступеней может быть и значительно большим.

Стремясь во что бы то ни стало провести дифференциацию между сходными словами, как и между сходными грамматическими конструкциями, А. Тома иллюстрирует дифференцирующую тенденцию языка самыми разнообразными примерами. Их можно классифицировать так: 1) разграничения необходимые, принятые в литературном языке; 2) разграничения целесообразные, тонкие, но не соблюдаемые в литературном языке; 3) разграничения спорные; 4) разграничения искусственные и тем самым ненужные. К сожалению, автор не всегда отделяет эти разные группы друг от друга. Первая группа была истолкована выше. Отметим теперь некоторые особенности последующих рубрикатий.

Различие между выражениями *par parenthèse* и *entre parenthèses* заключается в том, что первое означает «мимоходом», «в скобках», но не передает понятия «между» в такой степени, как второе (существительное *parenthèses* во втором случае во множественном числе). Поэтому следует сказать, например, *mettre dans un dictionnaire une prononciation entre parenthèses* (но не *par parenthèse*), а, с другой стороны, — *je vous envoie des livres qui, par parenthèse, ne sont pas encore payés*. Различие между этими выражениями, обычно не соблюдаемое, передает, однако, тонкие оттенки мысли, а поэтому украшает литературный язык.

Совсем иной, на наш взгляд, оказывается искусственная дифференциация между выражениями *à terre* и *par terre*. Попытка доказать, что второе употребляется только по отношению к предметам, соприкасающимся с землей (*la chaise tomba par terre*), а первое такого ограничения не имеет (*les perles tombèrent à terre*), оказывается несостоятельной, так как подобное разграничение не нужно ни логически, ни лингвистически. И недаром разграничение это обычно не соблюдается (стр. 405).

Еще сложнее — с разграничением сходных грамматических построений. Если стремление семантически отделить *commencer à* от *commencer de* может быть понято, хотя практически и это разграничение обычно редко проводится (первая конструкция предполагает развитие действия, тогда как вторая передает небольшой период длительности действия: *cet enfant commence à parler*, но *je commençais de dormir quand ce bruit me réveilla*), то при дифференциации *continuer à* и *continuer de* А. Тома приходится больше ссылаться на слух говорящего, чем на логику грамматики (стр. 100). Столь же условна дифференциация *s'occuper à* и *s'occuper de*: первое означает «заниматься чем-нибудь», второе — «быть занятым чем-нибудь»: *il s'occupe à son jardin*; *il s'occupe de son jardin* (стр. 284).

Подобного рода примеры показывают, что составитель словаря обычно не различает значений грамматических и лексических. Между тем, несмотря на постоянное взаимодействие лексики и грамматики, эти «сферы языка» различны. Не всегда дифференциацию между грамматическими конструкциями возможно свести к чисто лексическим оттенкам, как это делает А. Тома применительно к *s'occuper à* и *s'occuper de*. Во всяком случае, когда речь идет о том, что одна конструкция «способна» передать процесс протекания действия, а другая — процесс ограниченной длительности действия, вперед выступает не частное (лексическое) различие между конструкциями, а общее, категориальное (грамматическое). Применительно к близким в грамматическом отношении конструкциям структурная дифференциация между ними (если она имеется) выступает как более очевидная, более «категориальная», чем дифференциация лексическая и контекстная. В приведенных примерах *s'occuper à* — *s'occuper de* разграничение оказывается контекстно-лексическим, а в *commencer à* — *commencer de* — грамматическим.

Итак, хотя тенденция к дифференциации сходных по смыслу слов, сходных грамматических конструкций, действительно очень сильна в каждом языке (она очевидна и во французском), ее нельзя понимать прямолинейно. Необходимо учитывать, что в языке имеются п р о т и в о п о с т в у ю щ и е с и л ы и что тенденция к дифференциации сталкивается с тенденцией к унификации сходных языковых явлений. Последнее становится понятным, если помнить, что одну и ту же мысль можно чаще всего передать разными, хотя и близкими языковыми средствами. В этом также проявляется богатство языка, как и в дифференцирующей тенденции. Поэтому строить «словарь трудностей» на одной только различительной тенденции языка не вполне правомерно.

Обратим внимание еще на одну проблему, существенную для словаря рассматриваемого типа: как усваивают и как понимают говорящие различного рода устойчивые словосочетания. Очень часто трудность языка заключается в том, что подобного рода словосочетания либо понимаются неправильно, либо незаметно деформируются в процессе механического и бездумного употребления. Словарь Тома содержит в этом отношении разнообразный и интересный материал, подчас тонко интерпретированный. Какие, однако, общие вопросы возникают при его изучении?

Деформация более или менее устойчивого словосочетания может быть обусловлена самыми разнообразными причинами. Параллельно с выражением *noir comme un corbeau* «черный как смоль» (буквально: «как ворон») французский язык располагает другим словосочетанием — *noir comme du jais* «черный как смоль» (буквально: «как черный янтарь»). Слово *jais* редкое, поэтому второе выражение легко деформируется. Возникает *noir comme un geai* (аналогия с *noir comme un corbeau*). Но *geai* — птица сойка, и она вовсе не черного, а серо-голубого цвета. Однако звуковое совпадение двух слов-омонимов вызывает трансформацию: *jais* > *geai* (стр. 226).

Таким образом, бессмысленное с позиции семантики отдельных слов выражение *noir comme un geai* возникает под воздействием двух ранее существовавших словосочетаний — *noir comme un corbeau* и *noir comme du jais*. От первого из них *noir comme un geai* заимствует построение и сравнение с птицей (*un corbeau — un geai*), от второго — звучание слова *jais*, совпадающего со словом *geai*. Конечно, произносящие ошибочное выражение *noir comme un geai* сознательно ничего и ниоткуда не заимствуют, но если разобрать «механизм» этого словосочетания, то его двусторонняя зависимость от других (правильных) словосочетаний не подлежит сомнению.

Причины и источники деформации различных словосочетаний очень существенны не только для практического разграничения правильного и неправильного в языке, но и для теоретических наблюдений над жизнью слова в его взаимодействии с другими словами и словосочетаниями.

Выражение *tomber dans le lac* означает «попасться в сети». Но вот рядом с этим устойчивым сочетанием слов появился другое: *tomber dans le lac* «упасть в озеро» (стр. 232). Возникла путаница, ибо существительное *le lac* «сети», «западня», которое по условиям литературного языка должно произноситься «ла», в народной речи часто звучит *lak* и тем самым омонимически совпадает со словом *lac* «озеро». Случай этот оказывается иным по сравнению с ранее разобранным *noir comme un geai*. Если последнее словосочетание само по себе бессмысленно, то *tomber dans le lac* имеет точно очерченное значение, которое может претендовать на «литературность» в такой же степени, как и *tomber dans le lac*. Правда, смысл двух выражений различен, но это не помешало одному из них возникнуть на основе другого. Как бы ни объяснять подобное явление (по-видимому, неправильно прочитанное *le lac* превратилось в *le lac*), бесспорно, что деформация здесь иного характера, чем в *noir comme un geai*. Деформация одного выражения не создает бессмысленного другого выражения (как в случае с названием серо-голубой птицы, долженствующим передавать понятие черного цвета), а порождает новое словосочетание, которое может либо вытеснить первое (для тех, кто путает *le lac* и *le lac*), либо стать как бы рядом с ним, для того чтобы сформировать новое понятие: «упасть в озеро» («кануть в воду») — это совсем не то, что «попасть в сети» («попасть в западню»)¹.

Разграничение правильного и неправильного в области устойчивых словосочетаний дает интересный материал и для некоторых теоретических наблюдений и обобщений.

Коснемся, наконец, еще одного вопроса, существенного для «словаря трудностей». Культура языка требует не только различать всевозможные синонимы, но и правильно разграничивать омонимы. В повседневной речи они обычно нисколько не мешают друг другу. Никто не будет смешивать такие омонимы, как *mère* «мать», *maire* «городской голова», *mer* «море». В речевой практике, в контексте, эти слова достаточно разграничены. Взгляд на всякие омонимы как на «больные слова» языка, широко распространенный в лексикологической литературе, неверен, так как омонимы обусловлены характером самого языка, тем, что количество звуков в нем ограничено, количество же понятий, выражаемых при помощи слов, а следовательно, и самих слов, бесконечно велико и по мере развития языка все больше и больше увеличивается. Лишь в особых условиях омонимы могут «мешать» друг другу². Поэтому очень важно внимательно изучить подобные условия для каждого языка, чтобы не допускать смешения того, что должно быть разграничено.

¹ Ср. материалы русского языка в тонкой статье В. И. Чернышева «Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях», «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка», вып. 4, М., 1948, стр. 3—17.

² См. об этом подробнее в моей книге «Введение в науку о языке», М., 1958, стр. 46—50.

Словарь А. Тома и в этом отношении дает интересный и в ряде случаев новый материал. Приведем здесь два примера, из которых один был известен и раньше, а другой интерпретирован в словаре заново. Первая иллюстрация должна показать, почему омонимы обычно не мешают говорящим правильно выражать свои мысли, вторая, напротив, демонстрирует трудности, возникающие в известных случаях от неправильного употребления омонимов.

Глаголы *pêcher* «ловить рыбу» и *pécher* «грешить» являются омонимами. (Как указывает фонетический словарь¹, различие в произношении первого гласного в этих глаголах обычно не соблюдается.) Однако их отождествить невозможно не только по семантическим причинам (совершенно различные значения), но и по грамматическим: *pêcher* соотносится с *pêche* «рыболовство», а *pécher* — с *péché* «грех»; женский род от *pêcheur* «рыболов» — *pêcheuse*, тогда как от *pécheur* «грешник» — *pécheresse*. Омонимы «разводятся» в разные стороны не только по мотивам семантическим, но и по причинам грамматическим. Словопроизводство определяет специфику каждого омонима. Большинство слов того же семантического «гнезда» омонимичными уже не являются.

Как быть, однако, с теми случаями, когда отдельные омонимы все же начинают мешать друг другу, сталкиваться между собой? Ответ может быть только один: их необходимо разграничить. Вот здесь-то особенно велика роль «словаря трудностей», как и других руководств аналогичного типа. Латинский глагол *errare* «заблуждаться, ошибаться» закономерно дал во французском *errer*. Эту же форму *errer* в старофранцузском языке приобрел глагол *iterare*, получивший в поздней латыни значение «путешествовать», «идти прямой дорогой» (*iter facere*). Во французском языке возникли омонимы (*errer* — *errer*). И хотя глагол *errer* в значении «путешествовать» сейчас не сохранился, смешение двух глаголов, наблюдавшееся в прошлом («идти прямо» — «идти окольным путем»), отразилось на некоторых производных образованиях. В современном языке существительное *errements*, употребляемое во множественном числе, означает «заведенный порядок», «обычный ход» (связь с глаголом *errer* «идти прямой дорогой»). Но под влиянием другого глагола-омонима (*errer* «заблуждаться») это же существительное *errements* стало приобретать уничижительное значение — «ошибка, заблуждение». Так столкновение двух омонимичных глаголов, наблюдавшееся в прошлом, рикошетом отражается на семантике современного существительного *errements*. А. Тома правильно предостерегает против употребления *errements* в смысле «ошибки», «заблуждения» (стр. 156). Для последнего значения язык располагает другим словом — *erreurs*. Так разграничение правильного и неправильного в современном языке должно опираться не только на интуитивное чувство, но и на хорошее знание истории языка. Смешение некоторых омонимов может иметь далеко идущие последствия и вызвать путаницу в употреблении и неомонимичных слов (*errements* — *erreurs*).

Из множества теоретических положений, возникающих при изучении разнообразных материалов словаря А. Тома, мы остановились здесь на том: 1) как следует понимать дифференцирующую тенденцию языка в связи с составлением самого словника; 2) что дает для языка изучение различных типов деформации устойчивых сочетаний; 3) каков удельный вес омонимов, «мешающих» друг другу, по сравнению с омонимами, несколько не стесняющими говорящих; 4) какова, наконец, позиция автора, ре-

¹ H. Michaelis et P. Passy, Dictionnaire phonétique de la langue française, Hannover, 1924, стр. 214.

комендующего одни языковые образования и нововведения и отвергающего другие.

Хотя сам автор «Словаря трудностей» не ставил перед собой больших вопросов теории и стремился создать лишь практическое пособие, однако любовь к родной речи, острая наблюдательность и тонкое чувство языка помогли ему создать не только полезный справочник, но и книгу, которая дает возможность осмыслить некоторые тенденции развития современного французского языка. Разумеется, многие факты, приводимые в словаре Тома, были известны и раньше (автор хорошо использовал материалы своих предшественников), однако составитель сумел не только заново сгруппировать эти факты, но и расширить их разнообразными собственными наблюдениями, обосновать тщательно продуманной документацией. Как и во многих других серьезных филологических словарях, в работе А. Тома имеются отдельные неудачи (некоторые субъективные суждения, спорные рекомендации), хотя в целом автору удалось создать новый тип словаря. Чем выше культура языка в обществе, тем большее значение приобретают подобные разыскания.
